

Мусагитова Галия Нильевна

СВОЕОБРАЗИЕ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Ю. К. ОЛЕШИ "ЗАВИСТЬ"

Статья посвящена вопросу о субъекте текста в художественной прозе. Художественный текст рассматривается с точки зрения отнесенности субъектов высказывания к зоне диктума и зоне модуса, отмечаются типичные модели предложений, характеризующих отдельных персонажей и рассказчика. Материалом для анализа различных типов субъектной организации в рамках одного произведения послужил роман Ю. К. Олеси "Зависть".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/10/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (112). С. 48-50. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

FEATURES OF TEACHING WORD-COMBINATIONS TO PRIMARY SCHOOL PUPILS

Kislitskaya Svetlana Stepanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Dagestan State Pedagogical University

Dagestan State University of National Economy

panarina.01@mail.ru

The article reveals the features of teaching word-combinations to primary school pupils, and determines the importance of mastering this syntactic unit at the initial stage of education. In this regard, it takes into account the main directions of such work in the Russian language classes and provides the system of effective exercises and tasks aimed at implementing the main objectives when teaching word-combinations, namely the formation and development of speech abilities of junior schoolchildren.

Key words and phrases: teaching word-combination; primary school; syntactic structure of the Russian language; syntactic exercises; importance of work on word-combination.

УДК 811.161.1; 82-3

Филологические науки

Статья посвящена вопросу о субъекте текста в художественной прозе. Художественный текст рассматривается с точки зрения отнесенности субъектов высказывания к зоне диктума и зоне модуса, отмечаются типичные модели предложений, характеризующих отдельных персонажей и рассказчика. Материалом для анализа различных типов субъектной организации в рамках одного произведения послужил роман Ю. К. Олеси «Зависть».

Ключевые слова и фразы: повествователь; говорящий; диктум; модус; субъект; полифоничность; диалогизация.

Мусагитова Галия Нильевна, к. филол. н., доцент

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

galiarta@mail.ru

**СВОЕОБРАЗИЕ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В РОМАНЕ Ю. К. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»**

Вопрос о субъекте текста выводит к понятию говорящего, автора текста. В художественном тексте в качестве субъекта выступает лирический герой в лирике и повествователь («образ автора», по В. В. Виноградову) в нарративе. В коллективной работе Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [1] предложена следующая классификация субъектов высказывания (под субъектом понимается предиктируемый компонент, который может быть не только личным, но и отвлечённым): S1 (субъект базовой модели), S2 (каузатор), S3 (авторизатор), S4 (говорящий) и S5 (адресат). Опираясь на эту модель, исследуем субъектную организацию романа Ю. К. Олеси «Зависть».

В первой части романа повествование ведётся от лица одного из главных героев романа Николая Кавалерова, то есть он и является здесь говорящим, за исключением некоторых вставных текстов. Рассмотрим взаимоотношение объективного содержания высказывания (диктума) и отношения к нему говорящего (модуса).

Субъектом базовой модели и каузатором, которые относятся к зоне диктума, в большинстве предикативных конструкций с типовым значением «Субъект и его действие» является Андрей Бабичев: *Он поёт по утрам в клозете; <...> утром он из спальни проходит мимо меня; Он поворачивает выключатель <...>; Поэтому он решил прибавить новую серию гимнастических упражнений; Обычно занимается он гимнастикой не у себя в спальне <...>* [3, с. 25]. Как мы видим, здесь используются акциональные глаголы конкретно-физического действия и перемещения, а также деятельности и ментальные. Субъект базовой модели выступает целенаправленным, что свидетельствует об открытости его субъектной сферы для взаимодействия с внешним миром.

В качестве субъекта в предложениях с этим типовым значением выступает не только сам Андрей Бабичев, но и отдельные части его тела: *Его спина трётся по внутренней стороне захлопнувшейся двери, и локти тыкаются в стенки, он перебирает ногами; <...> в такт шагам у него трясутся груди* [Там же]. *Глаза его налились кровью, он снимал и надевал пенсне, чавкал, сопел, у него двигались уши* [Там же, с. 28]. Здесь Бабичев предстаёт как неодушевлённая физиологическая машина; нет человека как руководящего начала, отсутствие этого личностного человеческого начала в сочетании с «механическими» предикатами конкретно-физического действия и перемещения и обуславливает подобное восприятие.

Физиологичность Бабичева подчёркивается и предложениями со значением «Субъект и его состояние», «Субъект и его характеристика», «Отнесение к классу предметов»: *Желание пить возникает в нём рефлексивно; <...> в кабинке уборной, где узко его крупному телу; В нём весу шесть пудов; Это образцовая мужская особь* [Там же, с. 25]. Субъект здесь уже не активный, это не действие, а состояние, возникающее само

по себе. Для вышеуказанных моделей предложений исходно несовпадение субъекта – носителя предикативного признака с говорящим. Отсутствие модусной рамки в данных предложениях свидетельствует о том, что сообщение несет объективную информацию.

Сам же Кавалеров выступает как авторизатор (субъект воспринимающий, мыслящий и чувствующий) и как говорящий. Модусная рамка предложения обнаруживает характер ментальных и речевых действий субъекта речи по отношению к содержанию высказывания.

Эти песни его можно толковать так <...>. В модальной рамке присутствует предикат ментального состояния *толковать* и модальный предикатив *можно* в неопределённо-личном употреблении, причём в этот неопределённый круг входит и сам говорящий. Происходит наложение ментальной и волонтивной модусных рамок.

Я слышу сутолоку в кабинке уборной <...>; Я узнал о нём такое [Там же, с. 29]; Я увидел эту спину, этот тучный торс сзади, в солнечном свете, и чуть не вскрикнул [Там же, с. 32]. В перцептивных модусных рамках преобладают глаголы чувства, передающие прямое наблюдение говорящего.

В первой части романа используются обращения к слушателю как маркеры разворачивающегося перед нами процесса рассказывания. Таким образом, задействуется и зона адресата S5: *Можете представить себе, какой это жизнерадостный, здоровый человек [Там же, с. 25]; Обращали ли вы внимание на то, что соль спадает с кончика ножа, не оставляя никаких следов <...> [Там же, с. 28]*. Адресатное второе лицо встречается и в метатекстовых вставках: *Он объединит все мясорубки, примуса, сковороды, краны... Если хотите, это будет индустриализация кухонь [Там же]*.

То, что субъект сознания является и субъектом речи, выражается Я-модусной рамкой. Ее вербализация (*можно толковать так; оказалось, напоминает*) – следствие определённой диалогизации монолога, полифоничности. Полисубъектность текста создаётся наличием двух субъектов – действия и речи.

Также встречаются предложения, где субъектная перспектива углубляется за счёт несовпадения S3 и S4, причём Он-модусная рамка формируется в результате раздвоения зоны S3 (говорящий передаёт не только чужое мнение, но и чужое слово): *Один нарком в речи отозвался о нём с высокой похвалой:*

- *Андрей Бабичев – один из замечательных людей государства [Там же]*.

Выполняя функцию прагматически мотивированного повествователя, Кавалеров не может знать о мыслях Бабичева, но он высказывает свои предположения об этом, выдвигая и Андрея Бабичева на роль авторизатора: *Ему хотелось бы самому жарить все яичницы, пироги, котлеты, печь все хлеба. Ему хотелось бы рожать пищу [Там же]; На серьёзный разговор он считает меня неспособным; Он думает, что я дурак [Там же, с. 33]*.

Однако если первые главы представляют собой ретроспективное описание и осмысление событий, то с пятой главы осуществляется переход к повествованию, синхронному с описываемыми событиями. Перед нами своеобразный репортаж, где настоящее актуальное время сдвигается дискретным образом, чаще всего на границах глав.

Здесь несколько иная субъектная перспектива. В повествовании усиливается роль диалогов и прямой речи персонажей. В главах, где они занимают большую часть текста, функция речи повествователя-рассказчика сходна с функцией ремарок в драматическом тексте. Иногда комментарии рассказчика даже графически отделяются от реплики скобками: - *Ему восемнадцать лет. Он известный футболист. («Ах, футболист», – подумал я.) [Там же, с. 36]; Но это не важно. Другое важно. Он совершенно новый человек. Ну, ладно (И он вернулся к столу.) [Там же, с. 37]*.

После перехода к синхронному повествованию нет резкого противопоставления субъекта диктума и субъекта модуса. В некоторых случаях они совпадают, так как рассказчик говорит также и о себе: *Он выходит на балкон. Я подхожу к окну. Оба мы смотрим на улицу [Там же, с. 38]*. Как можно видеть, действующий и говорящий субъекты совпадают в лице Кавалерова. Здесь представлены не столько интерпретация и оценка, сколько фиксация происходящего, «ретрансляция». Это производит впечатление меньшей субъективности повествования по сравнению с первыми главами.

Если в первых главах адресат был внешний, не принадлежащий миру текста (слушатель), то здесь у реплик Кавалерова появляется внутренний адресат. Чаще всего это Андрей Бабичев, с которым рассказчик пытается вступить в диалог: *И это прекрасная судьба – правда? – если так совпадает: молодость века и молодость человека; У нас нет пути для индивидуального достижения успеха. Правда ведь? [Там же, с. 39]*.

Поскольку рассказчик передаёт чужую речь (причём в прямой форме), увеличивается количество субъектов, выступающих в разных ипостасях говорящего. Прежде всего, это говорящий как субъект речи, реализующийся в разнообразных речевых актах: *Против кого ты воюешь, негодяй? Убирайся отсюда. Я велю тебя арестовать-а-ать! [Там же, с. 38]*. Также иногда персонажи реализуют роль говорящего как субъекта дейксиса, указывая на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта: *Скоро приеду. На днях [Там же, с. 67]; Вот, полюбуйте. Братец мой Иван [Там же, с. 38]*. Слова со значением эмоционального состояния и с модальным значением проявляют говорящего как субъекта сознания: *Нельзя было не расстроиться. Вы рыдали. Страшно стало вас жалеть [Там же, с. 37]*. А вот роль говорящего как субъекта восприятия остаётся только за рассказчиком, другими персонажами в первой части романа она не играет. Самая же распространённая роль для них – это роль субъекта речи, реализующаяся в основном через повелительные речевые акты.

Повествование Кавалерова можно разделить на две части: в I-IV главах первой части романа перед нами традиционный нарратив в перволичной форме с диетическим повествователем (рассказчиком), принадлежащим миру текста. Рассказчик выполняет функцию, аналогичную роли повествователя в третьеличном повествовании, поэтому его обращения к слушателю напоминают традиционные обращения повествователя к читателям.

С V главы первой части перед нами своего рода синхронный репортаж, в котором время интерпретируется в речевом режиме, что нечасто встречается в нарративе. Последняя глава первой части романа (XV) представляет собой переходную форму: начиная её синхронным описанием события изнутри, далее рассказчик несколько отстраняется от него, появляется обращение к слушателю (*Заметьте: человек, повернувший бинокль на удаление, начинает просветлённо улыбаться*), повествование становится ретроспективным.

Метатекстовые комментарии, присущие обычно говорящему в функции повествователя, в речи Кавалерова обнаруживаются на протяжении всего повествования. Для них характерна направленность на эстетику и содержание речи. «Взгляд на мир Кавалерова – это взгляд художника» [2, с. 84]. Свою непохожесть на окружающих рассказчик постоянно подчёркивает. *Сквозное, трепещущее, как надкрылья насекомого, имя Лилиенталя с детских лет звучит для меня чудесно* [3, с. 52]. Кавалеров противопоставляет себя остальным (наиболее явно – Андрею Бабичеву) как человек, одарённый художническим видением мира, умеющий мыслить образно, – людям подчёркнуто рационалистичным, прозаичным.

Таким образом, субъектная перспектива высказываний является одним из дифференцирующих признаков разных повествовательных форм, позволяя отнести отдельные части романа «Зависть» к разным типам повествования.

Список литературы

1. **Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.** Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
2. **Мусагитова Г. Н.** Способы эксплицирования картины мира автора в тексте: деятельностный аспект: дисс. ... к. филол. н. Омск, 2005. 235 с.
3. **Олеша Ю. К.** Зависть. Три толстяка. Рассказы. М.: Олимп; АСТ, 1999. 512 с.

ORIGINALITY OF SUBJECT ORGANIZATION OF NARRATIVE IN THE NOVEL BY YU. K. OLESHA “ENVY”

Musagitova Galiya Nil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian State Automobile and Highway Academy in Omsk
galiarta@mail.ru

The article is devoted to the issue of a text subject in fiction prose. Fiction text is considered from the viewpoint of reference of the utterance subjects to the areas of dictum and modus. Typical sentence patterns that characterize separate personages and the narrator are noted. The novel by Yu. K. Olesha “Envy” has become material for the analysis of various types of subject organization within one work.

Key words and phrases: narrator; speaker; dictum; modus; subject; polyphony; giving dialogue nature.

УДК 94; 338.4

Исторические науки и археология

В статье анализируются основные направления проводившейся в Польской Народной Республике политики по привлечению рабочей силы на предприятия угольной промышленности в 1940-1960-х гг. Проблемы с наращиванием угледобычи в конце 1940-х гг. заставили государство прибегнуть к использованию принудительного труда и введению сверхурочных работ. Все это привело к росту социального недовольства и «кадровому голоду» в отрасли, решить который удалось в конце 1950-х гг. переориентацией на материальное стимулирование и повышение привлекательности шахтерского труда.

Ключевые слова и фразы: история Польши; угольная промышленность; мобилизационная экономика; рабочая сила; советско-польские отношения; Совет экономической взаимопомощи.

Никитин Дмитрий Игоревич

Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования
dm.nikitin90@gmail.com

ПОЛИТИКА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОЛЬШИ В 1940-1960-Х ГГ.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 15-31-01226.

В последнее время возрос интерес исследователей к истории польской угольной промышленности [2; 3; 5], занимавшей важнейшее место в экономике страны. К концу 1970-х гг., на пике своего развития, отрасль обеспечивала более 96% энергоресурсов страны, около 20% экспорта и давала работу более чем 600000 человек,